

— Зачем тебе ехать к Заставе Яньмэнь? — спросил Сяо Янь с бесстрастным лицом, не выдавая своих мыслей.

Сяо Цичэнь, заранее подготовивший ответ, произнёс ровным голосом:

— В дни, проведённые в Цингуане, я понял, как велик мир и как мало о нём знаю. «Прочесть десять тысяч книг, пройти десять тысяч ли» — всё, чему учил Великий наставник, я освоил, но многое осталось поверхностным. Пейзажи из стихов я понимал лишь смутно, вот и хочу увидеть их своими глазами.

Сяо Янь долго молчал, затем произнёс с тяжестью в голосе:

— Столько мест на свете, почему именно Яньмэнь?

— Я привык к роскоши южных земель, хочу увидеть суровый север, — ответил Сяо Цичэнь. — Поеду один, без свиты. Просто посмотрю и вернусь.

Сяо Янь смотрел на него с явным недоверием, не веря, что сын может быть столь простодушен.

Когда Сяо Цичэнь уже начал нервничать под этим взглядом и почувствовал редкую слабость — желание убежать, — Сяо Янь откинулся на спинку трона и сказал:

— Раз уж так хочешь — поезжай. Отдохнёшь, в последнее время ты и правда устал.

От неожиданной удачи у Сяо Цичэня закружилась голова. Он едва сдержал бурную радость, поспешно отблагодарил отца и удалился.

Шёл уже апрель, на юге царило тепло, но доносились слухи, что к северу от Великой стены по-прежнему холодно. Сяо Цичэнь не придавал этому значения, пока Люй-и, вздыхая, не принялась собирать тёплую одежду и наставлять Тяньхуэя, чтобы тот заботился о принце. Её забота была поистине материнской, неудивительно, что она, даже выйдя из возраста, не пожелала покинуть дворец.

Сяо Цичэнь был уверен: с Тяньхуэем ничего не случится. Они оделись попроще и отправились на север в повозке.

С южного берега Янцзы до самых окраин Великой стены — Сяо Цичэнь не интересовался ни обычаями, ни природой. Все его мысли занимал один человек, и никакие северные красоты не могли отвлечь его. Устав, они останавливались на ночлег, а наутро снова пускались в путь, невзирая на погоду.

Дунъян, Иньчжоу, Цзиньян... пока наконец не достигли Бинчжоу.

— Ваше высочество, сегодня к закату будем в Гуанъу, — сказал Тяньхуэй, правя лошаадьми. Получив от Сяо Цичэня короткое «Угу», осторожно добавил:

— Может, пусть Тянью поедет вперёд, предупредит? Всё-таки надо сообщить генералам.

На этот раз Сяо Цичэнь ответил не сразу. Он вздохнул, подумал и наконец твёрдо сказал:

— Нет.

Тяньхуэй не стал настаивать, лишь пошутил:

— Как скажете. Но когда доберёмся до Гуанъу, а там идёт война, если что случится — ваше высочество, меня не вините.

Сяо Цичэнь усмехнулся:

— Хватит зубы заговаривать. Всю дорогу никаких вестей с фронта не слышно. Думаю, Хуань Ту устал и затих. Воображает, что держит инициативу, а на самом деле ему ещё далеко.

Тяньхуэй сделал вид, что удивлён:

— Ваше высочество, вы и в военном деле разбираетесь?

Сяо Цичэнь махнул рукой:

— Мне до старшего брата и А Яня далеко. Но, кстати, когда брат вернулся в Цзиньлин, даже скандала не учинил. Видно, история со старшим братом Пин его всё-таки задела...

Они болтали через молчаливого Тяньхуэя, и разговор их состоял в основном из пустых догадок, лишь изредка касаясь чего-то правдоподобного.

Под этот разговор Сяо Цичэнь наблюдал, как солнце клонится к горизонту над унылой жёлтой равниной.

Он думал о пустынных дымках и закате над долгой рекой, о том, как в августе на северных землях уже может пойти снег. Ветер дул в лицо, резкий, с привкусом пыли, — совсем не похожий на мягкий ветерок с юга, где он вырос. А человек, о котором он думал, был здесь. И будет сражаться здесь ещё долго-долго, так долго, что, может, и забудет о юге.

Наконец Сяо Цичэнь прибыл в Гуанъу.

Застава Яньмэнь оказалась суровее, чем он ожидал. Дело было не столько в непривычной архитектуре — непохожей на Тайчэн, — сколько в людях. Все куда-то спешили, лица напряжённые, настороженные.

На плацу шли учения. Едва Сяо Цичэнь спрыгнул с повозки, как два солдата тут же нацелили на него копьё.

— Кто идёт? — окликнул один из них, и его голос заставил Сяо Цичэня замереть.

Императорская гвардия состояла из барчуков, чьи приказы звучали напыщенно. А у этого солдата, хоть чин и невысок, голос негромкий, сквозила непоколебимая уверенность. Сяо Цичэнь вдруг воспрянул духом: вот так должны выглядеть воины Великой Лян.

Взгляд его перескочил через солдата и упал на Шэнь Чэнцзюня, стоявшего на трибуне. — Позовите генерала Шэня, — сказал он.

Спокойный тон заставил солдата оглядеть Сяо Цичэня с ног до головы. Тот, почуввав неладное, не стал медлить и побежал за Шэнь Чэнцзюнем. Сяо Цичэнь остался стоять, наблюдая, как Шэнь Чэнцзюнь в недоумении смотрит в его сторону, а потом, спускаясь с трибуны, чуть не падает. Тут Сяо Цичэнь не сдержал улыбки.

— Шестой принц! Как вы здесь оказались? — воскликнул Шэнь Чэнцзюнь, и окружающие солдаты замерли.

Сяо Цичэнь прикрыл рот рукой, зевнув:

— Погулять. Заодно посмотреть, как у вас дела. Не волнуйтесь, отец не посылал меня шпионить и вмешиваться в ваши дела. Считайте, что меня нет.

Хоть он так и сказал, Шэнь Чэнцзюнь не мог всерьёз его проигнорировать. Он моргнул и предложил:

— Шестой принц, вы к А Яню? Он сегодня с Яньнанем сцепился, теперь кости болят, отдыхает в главной палатке. Если не голодны, может, сначала к нему?

Сяо Цичэнь подумал, что Шэнь Чэнцзюнь удивительно проницателен.

Однако из гордости он не хотел, чтобы все решили, будто он проделал такой путь исключительно ради Су Яня. Поэтому сделал вид, что осматривает Гуаньзу под руководством Шэнь Чэнцзюня, и лишь потом направился в главную палатку.

Главная палатка была немногим лучше обычных — разве что просторнее. Больше всего бросался в глаза огромный песчаный макет, утыканный флажками и уставленный деревянными моделями катапульта. Сяо Цичэнь разглядывал рельеф — видимо, его использовали для обсуждения тактики.

Шэнь Чэнцзюнь внутрь не вошёл. В палатке, кроме Сяо Цичэня, никого не было.

Сделав пару шагов, он заметил за ширмой узкую походную кровать. Жёсткая, с тонким одеялом — выглядело не слишком уютно. Подойдя ближе, он увидел чью-то голову.

Дыхание Сяо Цичэня участилось. Сердце застучало так громко, что заглушило всё вокруг. Взгляд его прилип к единственному человеку.

Не видя — не скучал. А стоит встретиться, и понимаешь, что значит «сходить с ума от тоски».

Эти сто с лишним дней хватило, чтобы свести его с ума.

Су Янь лежал на животе, растрёпанный, и не шевельнулся, услышав шаги:

— Дядя Цзинь, я правда не буду. Меня так по животу долбанули, что тошнит.

Не получив ответа, он с любопытством поднял голову:

— Дядя Цзинь, ты... А Чэнь?

Эти два слова словно щёлкнули невидимым замком. Сяо Цичэнь услышал, как у него внутри что-то лопнуло — какая-то струна, что была натянута слишком долго. Горло сжалось, словно перехватило. Он шагнул вперёд, споткнулся о что-то на полу и рухнул рядом с ложем Су Яня, ударившись коленом о твёрдую землю. Из груди вырвался сдавленный стон.

Су Янь совсем растерялся. Он засуетился, пытаясь подняться, и бормотал:

— А Чэнь? Как ты здесь... Нет, ты в порядке? Ушибся?

Сяо Цичэнь не мог вымолвить ни слова. Он обхватил Су Яня и прижался лицом к его груди. Едва он попытался заговорить, как слёзы хлынули сами собой, и остановить их уже было невозможно.

Су Янь, застигнутый врасплох, растерянно обнял его. Он держал Сяо Цичэня так некоторое время, но потом почувствовал неладное: обычно тот не бывал таким тихим. Тогда он приподнял его и усадил на край кровати, хотел проверить, не ушиблено ли колено, но, взглянув на лицо Сяо Цичэня, ахнул.

Глаза покраснели, слезная родинка стала ярче, кончик носа тоже порозовел. Весь он выглядел точь-в-точь как в детстве, когда его обижали, — но сейчас это не было притворством. Он и вправду был глубоко несчастен.

Увидев это, Су Янь забыл все прежние обиды и недопонимания. Он мягко вытёр Сяо Цичэню уголки глаз и спросил тише:

— Что случилось? Ко мне прибежал?.. Тебя в Цзиньлине обидели?

Сяо Цичэнь покачал головой, потом кивнул.

<http://bllate.org/book/15940/1425181>